

АЛАНСКИЕ И ОСЕТИНСКИЕ ТРЕХНОГИЕ СТОЛИКИ

А. А. Туаллагов

Статья посвящена сопоставительному анализу конструктивных особенностей деревянных столиков из погребальных памятников аланской культуры раннего средневековья и традиционной осетинской культуры. Предлагавшаяся отдельными исследователями идея о генетической связи аланских и осетинских столиков, как и определение семантики последних заявлялись без проведения такого анализа, что не обеспечивало полагаемые решения объективной научной базой. Сложившаяся ситуация определяет научную актуальность темы. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении оригинальных археологических и этнографических материалов, большая часть которых привлекается впервые, в ходе сопоставительного анализа их общих и частных конструктивных особенностей. Подобный анализ проводится впервые. Основной целью исследования является научная верификация идеи о рассмотрении осетинских столиков как дериватов аланских столиков. В ходе сопоставительного анализа применялись описательный, типологический и сравнительный методы исследования при фото- и графической фиксации изучаемых объектов. В процессе исследования были выделены два типа деревянных трехногих столиков аланской культуры, некоторые конструктивные особенности которых могут свидетельствовать о наличии соответствующих подтипов. Их конкретизация потребует дополнительного изучения. Аланские столики также дают основание полагать, что кроме домашнего производства, столики служили и предметами ремесленного производства. Осетинские столики, несомненно, генетически связаны с данными образцами и их типами. Они сохраняют и развивают определенные, как общие, так и, что особенно показательно, специфические частные, конструктивные и орнаментальные особенности аланских столиков. Наблюдается и вероятное развитие некоторых конструктивных деталей в ходе токарной обработки изготавливаемых образцов.

Ключевые слова: деревянные столики, археологические и этнографические данные, аланы, осетины.

В прошлом особым почетом в каждом осетинском доме пользовался невысокий трехногий столик, который также выполнял функцию жертвенника и сам выступал в роли жертвы покойному. Наиболее распространенной и традиционной по представлениям осетин формой стола была круглая плоская столешница, периметр которой мог иметь различной степени выраженный бортик. Круглая столешница могла иметь и форму блюда с поднимающимися стенками. Ножки были съемными и крепились к основанию столешницы посредством различных по форме па-

зов. После трапезы такой столик помещался вверх ножками на специально вбитые высоко в стену дома или сеней деревянные колышки или разбирался и вешался на петле, продетой через просверленное в крае столешнице отверстие, на стену.

В отношении названия осетинских столиков «фынг/фингæ», охватывающего и такие понятия как «угощение», «посуда», представлены три основных решения. Согласно первому, оно является исконно иранским, родственным индоевропейской группе слов типа древнеиндийского *pināka-* — «пал-

ка», греческого *πιναξ* — «доска», «блюдо», при возведении скифского *ραπακα* — «доска» к **ρα-* — «ограждать». Согласно второму, представляет собой заимствование еще в скифскую эпоху греческим *πιναξ*. Согласно третьему, оно может представлять собственное развитие осетинского слова восходящего к **xvāna-ka-*, как производного от **huāna-* > **xvāna-* — «накрытый стол, скатерть с кушаньем, угощением», «стол для еды». Оно, в свою очередь, возможно, является производным от корня **huād-*, восходящего к индоевропейскому **suād-* — «сладкий, наслаждаться чем-либо» [1, 497-498; 2, 491-492].

По мнению многих исследователей, о происхождении осетинских столиков свидетельствуют археологические находки. Автор статьи ранее непосредственно обращался к данной проблеме и определил известный на сегодняшний день круг соответствующих находок деревянных столиков с круглыми столешницами и съемными ножками [3, 39-122]. Все они обнаружены в аланских раннесредневековых погребениях Северного Кавказа. Тип таких столиков позволяет распространить на них современное осетинское название «фынг/фингæ».

Одновременно автором обосновано отделение от них образцов с подпрямоугольными столешницами со стационарными невысокими четырьмя ножками, вырезанными из единого куска дерева. Такие образцы, также встречающиеся в аланских древностях, в том числе, в одном погребальном комплексе, известны и в неаланских памятниках, представляя собой кросскультурное явление. Показательно, что такие образцы не представлены среди материалов традиционной осетинской культуры.

Также, в частности, нет оснований, как полагали некоторые исследовате-

ли, относить к аланским образцам изображения столика в «склепе Анфестерия» [3, 84-85], с чем сегодня согласны и другие ученые [4, 30], или пытаться сопоставлять с ними некоторые сообщения о «столиках» тюркоязычных народов [3, 51-52], хотя такие попытки все еще предпринимаются [5, 313-319]. Бронзовый образец из кургана № 10 у с. Нартан, скорее, являлся не столиком, а алтарем [3, 40].

К сожалению, не для всех из аланских образцов имеются точные конструктивные подтверждения. Так, согласно отчету Е. Г. Пчелиной в катакомбе XI Архонского могильника (Северная Осетия) возле голов двух покойниц стояли деревянные сосуды: «Здесь же стоял трехногий деревянный жертвенник-стол «фынг», сохранившийся у осетин до наших дней... В сев.-вост. части катакомбы в голове третьей покойницы стоял один деревянный «фынг», а также фрагменты деревянной посуды» [6, 119].

Погребение, по сопровождающему инвентарю, датируется серединой VIII-IX вв. [4, 31]. К сожалению, никаких точных конструктивных особенностей находок в текстовой части отчета не приведено. Нет и изображений находок. Среди материалов экспедиции, хранящихся в Национальном музее РСО-Алания, они также не представлены.

Самую простую конструкцию среди аланских столиков имеет образец из катакомбы № 8 могильника Кольцо-гора 1 (возле г. Кисловодск). Погребение было потревожено в древности. Столик обнаружен в перевернутом положении, остатками ножек вверх. Удалось зафиксировать общий диаметр столешницы — 33 см. Столешница сильно истлела. Ее состояние не позволило определиться с ее более точной конфигурацией, с наличием или отсутствием у столешницы

бортика или некоторого основания. Фотография находки *in situ* положения не проясняет. На опубликованном рисунке плоская столешница представлена без бортика (рис. 1, 1). В целом, могильник датируют концом XI — первой половиной XII в. [7, 160-161, 162, рис. 27, 164, рис. 29, 1, 170-171]

Согласно любезно предоставленным материалам отчета и консультациям С. Н. Савенко и Я. Б. Березина, круглые в сечении ножки крепились к круглой столешнице через сквозные в ней пазы. Они были примерно в два раза меньше диаметра, чем диаметр ножек со стороны их прилегания к столешнице снизу. Таким образом, ножки должны были иметь выраженные шпеньки для такого крепления. Скорее всего, форма шпеньков была круглой.

Остальные аланские столики имели более сложные конструкции. Так, дубовый столик из катакомбы № 48 могильника Рим-гора (возле Кисловодска) располагался у головы одного из двух погребенных. На нем были выставлены деревянные чашка и сосуд с деревянными ложками, орехами и яблоками. Рядом со столиком лежал керамический сосуд, видимо, упавший с него. Круглая столешница имела форму неглубокой чаши с плавно поднимающимися стенками и с отогнутым наружу бортиком (рис. 1, 2). По уточненным исследователями данным, диаметр столешницы — 38-40 см, согласно рисунку из отчета, — ~30 см. Погребения могильника датировались X-XII вв. [8, 202-203, рис. 5, 6, 1; 4, 31]. Диаметр ножек уменьшался к их окончаниям. Верхние части ножек были вставлены в три отдельных круглых выступающих основания. По рисунку, шпеньки ножек проходят через сквозные в основаниях пазы, т. е. по типу образца из могильника Кольцо-гора 1.

В катакомбе № 52 могильника Рим-гора столик стоял в голове у одного из пяти погребенных. На нем также были выставлены деревянные и керамические сосуды, последние из которых со временем упали на пол. Согласно любезно предоставленному С. Н. Савенко рисунку из отчета А. П. Рунича, круглая столешница имела форму чаши с более высоко и резко поднимающимися стенками и отогнутым наружу бортиком (рис. 1, 3). Столешница фрагментирована. Диаметр столешницы, по отчету, — ~30 см [4, 31]. Сохранился только небольшой фрагмент от ножки. По рисунку, столешница не имеет основания, а уточнить систему крепления ножек не представляется возможным.

Следует отметить, что в одной из публикаций был приведен схематический рисунок Н. Н. Михайлова столика из могильника Рим-гора [9, 377, рис. 83, 2]. Следует полагать, что на нем изображен столик из катакомбы № 48. Но основания для ножек представлены более близко друг к другу. Столешница изображена в форме чаши с высоко и резко поднимающимися стенками, что соответствует форме столешницы из катакомбы № 52. Но в отличие от нее она изображена как цельная. Видимо, следует полагать некоторую неточность рисунка.

В одной из камер Хасаутского могильника (~ в 35 км от г. Кисловодск) был обнаружен еще один деревянный столик, который определяли как совершенно аналогичный образцам из могильника Рим-гора [10, 171, рис. 4, 7, 174, 177]. Вместе с тем, хасаутский столик имеет свои отличные черты (рис. 1, 4). Его круглая столешница в форме чаши с плавно поднимающимися стенками, без выраженного бортика, согласно рисунку в отчете, любезно предоставленному Савенко, имела диаметр

30 см. Столешница имела единое круглое основание, по периметру которого врезаны, но не прорезаны насквозь, три паза подквадратной формы. В центре основания отмечены две линейно-круговые параллельные борозды. Четыре слабо выраженные линейно-круговые бороздки представлены на обратной стороне столешницы (рис. 2). Все они, несомненно, свидетельствуют о токарном производстве столика.

Деревянный столик, располагавшийся возле головы одного из погребенных, представлен среди материалов катакомбы № 1 Даргавского могильника (Северная Осетия) (рис. 3, 1, 2). Круглая столешница с небольшим вертикальным бортиком по периметру имела толщину 3,5 см и диаметр — ~40 см (сохранившийся фрагмент — 12×20 см). В основании столешницы, диаметром 16,5 см и высотой 3 см, прорезаны по периметру три прямоугольных паза для крепления шпенок ножек. Полностью сохранилось два паза подпрямоугольной формы в ~2 см от края основания. Точнее, пазы имеют подпрямоугольную форму. Размеры — 3,5×2,5 см и 3,5×2 см. Глубина пазов — 2,6 см. Для их фиксации деревянными штифтами просверлены на расстоянии 1,5 см от верхнего края основания боковые отверстия, диаметром 1 см и 0,8 см. От третьего паза сохранились только фрагменты двух стенок из-за утраты части основания. В центре основания отмечается еще один паз подквадратной формы, размером 1,7×1,2 см. Погребение, по сопровождающему инвентарю, датируется второй половиной IX — серединой X вв. или концом IX-X вв. [11, 104-105; 4, 31].

Сохранились фрагменты ножек, явно вырезанные вручную. В пользу такого способа их изготовления свиде-

тельствует и овальная в разрезе форма. По направлению к полу ножки сужались [3, 119, таб. 11, 1]. Следует полагать, что несколько заостренные окончания ножек обеспечивали более устойчивую фиксацию столика на земле.

Три из пяти сохранившихся фрагментов составляют верхние окончания ножек, обработанные для вставления в пазы. На одном из них (рис. 4, 1, 2) основание шпенька вырезано на глубину 1,2 см. Основание плоское, поднимающееся под небольшим углом по направлению к шпеньку. Противоположной площадке стороне шпенька придана несколько округлая форма. Высота шпенька — 3 см, наибольшая толщина — 1,5 см. В 1 см от основания шпенька просверлено отверстие для штифта, размером 1×0,8 см. Шпенок, несомненно, вставлялся в паз округлой стороной в сторону центра основания столешницы.

На другом фрагменте (рис. 4, 3, 4) основание шпенька вырезано на глубину 2 см. Основание плоское, поднимающееся под небольшим углом по направлению к шпеньку. Противоположной площадке стороне шпенька придана несколько округлая форма. Высота шпенька — 3 см, наибольшая толщина — 1,5 см. В 1,2 см от основания шпенька просверлено отверстие для штифта, утратившее в результате разрушения материала свою полную форму. Диаметр отверстия — 0,8 см. Еще на одном фрагменте сохранилось только вырезанное основание шпенька.

В катакомбе № 72 зафиксирован еще один деревянный столик почти аналогичной конструкции (рис. 5, 1, 2). Он был вертикально прислонен к стенке катакомбы, располагаясь ближе к голове погребенного. Возможно, в какой-то степени такое расположение могло имитировать подвешивание

предмета на стену. На момент находки столешницы визуально имела несколько вогнутую форму [3, 120, таб. 12]. Сохранившийся фрагмент столешницы, размером 36×23,5 см, позволил определить диаметр столешницы — 36 см. Основание столешницы имеет диаметр 16 см и высоту — 3 см. Столешница имела бортик, шириной — 3 см, высотой — 0,5 см. Толщина столешницы на данных частях фрагмента — 1,5 см. В 0,5 см от края столешницы фиксируется на расстоянии 1 см друг от друга зафиксированы два отверстия, диаметром 0,5 см, несомненно, предназначенные для продевания петли, необходимой при подвешивании столика.

На оборотной стороне столешницы сохранились явные следы токарной обработки, что сопоставимо с хасаутским образцом. По самому краю идут параллельные борозды. Этот пояс борозд затем сменяется поясом параллельных валиков. Расстояние между бороздами и толщина выступающих валиков ~0,2 см. В 7 см от края столешницы проходит еще один выступающий валик толщиной ~0,3 см. В центре основания столешницы фиксируется воронкообразное углубление, сужающееся по направлению к центральному врезному пазу на глубину 0,7 см, непосредственно на котором оно завершилось. Углубление начиналось в 3 см от края основания столешницы, имея диаметр в верхней части 8,6 см.

По периметру основания столешницы, между ее краем и углублением (ширина — 3,7 см), врезаны три паза подпрямоугольной формы. Один из них несколько утратил свою первоначальную форму в результате разрушения материала. Размеры двух пазов — 3×2 см, третьего паза — 3,2×2 см. Глубина одного из свободных от остатков ножек пазов — 3 см. Следовательно, паз был вы-

резан ровно на глубину основания столешницы. Один из пазов, со скошенной поверхностью со стороны отверстия для вставки штифта, наглядно позволяет полагать, что конструкция шпенок ножки была аналогичной или очень близкой конструкции на ножках столика из катакомбы № 1, а ножки вставлялись по тому же принципу. Центральный паз имел размеры 2,7×2,5 см.

Отверстия для крепления вставленных в пазы шпенок ножек просверлены на расстоянии 1 см от верхнего края основания столешницы и имеют диаметр 0,5 см. В двух из них сохранились остатки штифтов. Диаметр отверстий на основании столешницы равен диаметру отверстий на краю столешницы. Несомненно, все отверстия сверлились одним и тем же инструментом, т. е. отверстия на краю столешницы для продевания петли были просверлены непосредственно в процессе изготовления столика.

Сохранившиеся четыре фрагменты ножек, в разрезе — овальные, свидетельствуют, что ножки сужались по направлению к полу. На фрагменте, размером 5,8×3 см, фиксируются две параллельные борозды на расстоянии 0,8 см друг от друга. Фрагмент, размером 13×3,8 см, представляет собой верхнее окончание ножки с сохранившимся длиной на 1 см основанием шпенок. Фрагмент также украшен двумя «полосами», расположенными на расстоянии 4,4 см друг от друга. Бороздки достаточно глубокие (рис. 6, 1, 2).

Еще одна находка относится исследователями к заимствованию в результате дагестано-аланского взаимодействия. Образец (рис. 7), видимо, происходящий из разрушенного погребения могильника в окрестностях с. Карабудахент (Дагестан), представляет собой деревянную чашу с почти вертикально

поднимающимися стенками и отогнутым наружу бортиком, диаметром около ~32,5-34 см. Ее украшают две ручки в форме фигурок лошадей. Для крепления ножек вырезаны четыре округлых основания с прямоугольными пазами. Вставлявшиеся в них ножки дополнительно крепились деревянными штифтами, продевавшимися через насверленные отверстия [12, 352-359, 362, рис. 1].

Таким образом, на сегодняшний момент известно о семи образцах столиков-фынгов из пяти аланских могильников Северного Кавказа. К сожалению, два образца из Архонского могильника остались без своего конкретного конструктивного определения, а образцы из могильников Кольцо-гора, Рим-гора и Хасаут представлены обобщенными сведениями и рисуночными реконструкциями. Только два образца из Даргавского могильника позволяют подробно воспроизвести их конструкцию. Вместе с тем, имеющаяся по всем данным столикам информация позволяет говорить о том, что в аланской культуре представлены трехногие столики различных конструктивных типов, имеющие и некоторые различные детали конструкций.

В условиях постулируемой исследователями непосредственной преемственности осетинских трехногих столиков с аланскими образцами как единой линии развития [9, 377-378] само непосредственное сравнение по конструктивным деталям обеих групп столиков никогда не производилось. Представленные сводные таблицы рисунков аланских и осетинских столиков основаны лишь на схематической близости их конструкций — столешница и три ножки, что ограничено формально-типологическим сходством. Такой подход приводит к включению в таблицы

излишних образцов, явно не имеющих отношение к аланским столикам или к их прототипам [13, 157, рис. 1; 12, 364, рис. 3; 4, 28, рис. 4]. Показательно, что к «удивительно сходным прототипам осетинского «фынга» относят архонские образцы [9, 377], конструкции и параметры которых остаются никому не известными.

Что касается осетинских столиков, то в настоящей статье они рассматриваются как предмет домашнего обихода, конструкция из круглой столешницы и трех съемных ножек, в которой «именно три точки опоры дают достаточно прочное положение и физическую стабильность» [14, 122]. Удивительно, но в научных публикациях не представлен даже общий обзор конструктивных типов осетинских столиков-фынгов, хотя предлагается уже семантическое осмысление их образов. В редких публикациях изображений столиков, обычно рисунков, они подаются с верхнего ракурса, предлагая общее восприятие предмета, тогда как изображения с нижнего ракурса, раскрывающие важнейшие детали конструктивных особенностей столиков, отсутствуют. В такой ситуации впервые к сопоставлению привлекаются конкретные образцы традиционных трехногих осетинских столиков-фынгов, хранящиеся в фондах прежде всего Национального музея РСО-Алания.

Как отмечалось выше, самая простая конструкция аланского столика — плоская столешница со сквозными для крепления ножек пазами — представлена в катакомбе №8 могильника Кольцо-гора 1. Некоторые исследователи в прошлом, основываясь на личных наблюдениях по материалам Южной Осетии, утверждали, что пазы в столешнице осетинских столиков никогда не были сквозными [15, 36]. Но в фон-

дах Национального музея РСО-Алания они составляют целую заметную группу образцов. Плоские или слегка вогнутые столешницы имеют различной степени выступающие бортики. Один из таких образцов имеет отверстие в крае столешницы для подвязывания петли (рис. 8, 1, 2). Подобный осетинский столик-фынг представлен в фондах Российского этнографического музея (Санкт-Петербург) и относится к сборам З.П. Валаева 1906 г. во Владикавказском округе Терской области (рис. 9, 1, 2).

При сравнении осетинских столиков выясняется, что сквозные пазы для ножек проходили как через столешницу, так и через выполненное в форме окружности основание, что соответствует образцам аланских столиков из катакомбы №8 могильника Кольцо-гора и катакомбы №48 могильника Рим-гора. Но, в отличие от последнего образца, в фондах Национального музея РСО-Алания не оказалось столиков с основаниями под каждую ножку. Видимо, более простое токарное производство позволяло ограничиваться основанием в форме окружности. Что касается формы столешницы в виде чаши, с различной степенью поднимающимися стенками, то подобные образцы представлены и среди осетинских столиков (рис. 10, 1, 2). Представлен и образец с невысоким круглым основанием (рис. 11, 1, 2).

На рисунке столика из катакомбы №48 могильника Рим-гора шпенек ножки представлен раздвоенным (рис. 1, 2). Следует полагать, что в данном случае обозначено либо его расщепление, способствовавшее более плотной фиксации ножки, либо расклинивание, что свидетельствовало бы об отказе от дальнейшей разборки столика. На одном из образцов осетинского сто-

лика мы усматриваем ту же деталь (рис. 9, 1).

Если первый тип аланских столиков представлен образцами со сквозными пазами, то ко второму следует отнести столики с круглым основанием, с прорезанными только в нем пазами, из Хаусаутского и Даргавского могильников. Прежде всего, обратим внимание на неглубокое воронкообразное углубление в центре основания столешницы из катакомбы №72 Даргавского могильника (рис. 5, 2). При сопоставлении с осетинскими образцами следует предположить, что мы имеем дело с прототипом для оснований в форме круга на осетинских столиках, что легко достигалось при токарном производстве столешниц, явные следы которого несут на себе аланские столики данного типа.

Обращает на себя внимание использование фиксирующих штифтов на даргавских столиках и карабудахкентском образце. Такая форма крепления представлена на одном осетинском образце с основанием в форме круга (рис. 12, 1, 2). Но наиболее близкий к даргавским столикам является другой образец осетинского столика (13, 1, 2), происходящего из всеосетинского святилища Реком (КМСО 3614 №1244). Видимо, передан в фонды музея в результате реставрационных работ на святилище Е. Г. Пчелиной и И. П. Щелбыкиным в 1936 г. На нем соответствующими штифтами в подквадратных пазах (рис. 14, 1) крепились ножки, конструкции шпенок которых (рис. 14, 2, 3) практически идентичны с аланскими (рис. 4, 1, 2, 3, 4). Осетинский образец наглядно подтвердил и полагавшийся [3, 70] принцип их вставки.

Кроме того, он демонстрирует неожиданную легкость как сборки, так и разборки столика. При этом ножки

столика достаточно широко разведутся, что должно было увеличить его устойчивость. Заметим, что на других осетинских образцах такое разведение достигалось за счет придания кривизны самим ножкам (рис. 8, 1, 2; 12, 1, 2).

В целом, мы имеем уникальный пример 1000-летнего сохранения специфической конструкции аланского столика в конструкции осетинского столика, причем, на одной территории. Данный археолого-этнографический пример предоставляет оригинальный материал для изучения истории осетинского народа. Он представляет собой прямую преемственность от аланской материальной культуры к осетинской этнографической культуре.

Фрагменты ножек от столика в катакомбе № 72 Даргавского могильника сохранили следы их простейшей фигурной орнаментации. Такие фигурные украшения ножек известны на различных осетинских образцах, включая и привлеченные в предлагаемом исследовании (рис. 10, 2; 15, 2; 17, 2). Осетинские образцы позволяют определиться и с некоторыми другими конструктивными особенностями аланских столиков Даргавского могильника.

На некоторых образцах осетинских столиков представлены отверстия в их ножках (рис. 10, 2; 17, 2). Они служили для вставления Т-образной крепления, связывающего ножки между собой и скрепляющего всю конструкцию стола, в целом (рис. 15, 1, 2). На картинах М. С. Туганова, известного знатока осетинского быта, представлены столики, как с Т-образным креплением [14, 97], так и те, на которых ножки соединены между собой тремя отдельными перемычками [14, 121]. Но таких образцов в фондах Национального музея РСО-Алания

не обнаружено. Для подобных соединений было необходимо просверливать по два отверстия в каждой ножке, чего не наблюдается и у образцов, утративших крепления.

Наконец, существовал и третий способ скрепления ножек между собой. В центре столешницы врезался четвертый дополнительный паз, в который вставлялось крепление, меньшей длины, чем ножки. Уже от него отходили три перемычки, вставлявшиеся в отверстия ножек (рис. 16, 1, 2). Следует полагать, что именно для такого крепления был сделан центральный паз на обоих даргавских образцах. Поэтому следует скорректировать предлагаемую ранее реконструкцию аланского столика [16, 66, таб. XI, 5].

Центральный паз в основании столика из катакомбы № 1 Даргавского могильника явно меньшего размера, чем пазы для вставления ножек, что объяснимо иной степенью и направлением нагрузки для крепления. Незначительная высота воронкообразного углубления основания столика из катакомбы № 72 того же могильника могла диктоваться необходимостью оставления места для врезания центрального паза, когда пазы для ножек врезались на всю высоту основания. Надо полагать, что такая техническая необходимость не допустила создания основания в форме круга, как на части осетинских образцов, что легко было сделать при токарном производстве.

Таким образом, выделяется два типа аланских трехногих столиков, некоторые конструктивные особенности которых могут свидетельствовать о наличии соответствующих подтипов, что нуждается в дальнейшей разработке. Их дериватами, несомненно, могут служить осетинские столики-фынги,

сохраняющие и развивающие некоторые, как общие, так и, что особенно показательно, частные, конструктивные и орнаментальные особенности аланских столиков. Наблюдается и вероятное развитие некоторых конструктивных деталей в ходе токарной обработки изготавливаемых образцов.

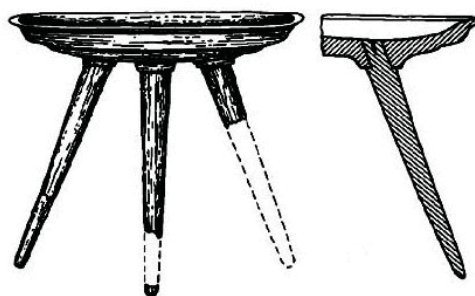
Остаются сложности с восприятием конструкции столика из катакомбы № 52 могильника Рим-гора (рис. 1, 3). У столика не обозначено ни наличие сквозных пазов, ни наличие основания. Возможно, толщина центральной части столешницы была несколько большей, чем указанная на рисунке

толщина стенок, что позволяло сделать пазы не сквозными. Подобных образцов не обнаружено в фондах Национального музея РСО-Алания, но есть образцы с очень незначительным по высоте круглым основанием (рис. 17, 1, 2), которое сопоставимо с основанием со сквозными пазами (рис. 11, 2). Возможно, подобное невысокое основание было и на образце из катакомбы № 52 могильника Рим-гора. Оно могло визуалью быть не очень заметным. Аланские столики также дают основание полагать, что они являлись предметами не только домашнего, но и ремесленного производства.

1

(Березин, Рунич. 2019. С. 164, рис. 29, 1)

2

(Рунич. 1970. С. 203, рис. 6, 1)

3

(Рунич. 1966. С. 34, рис. 11, 1)

4

(Рунич, 1971. С. 171, рис. 4, 7)

Рис. 1

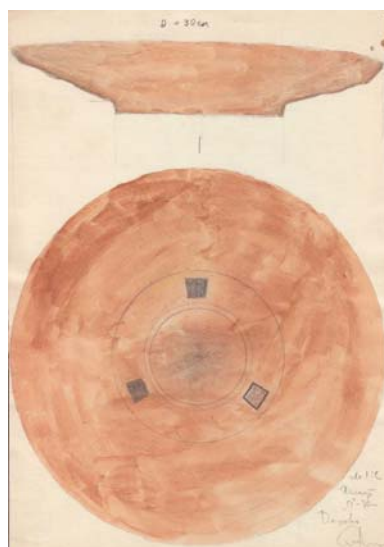

Рис. 2.

1

2

Рис. 3.

1

2

3

4

Рис. 4.

1

2

Рис. 5.

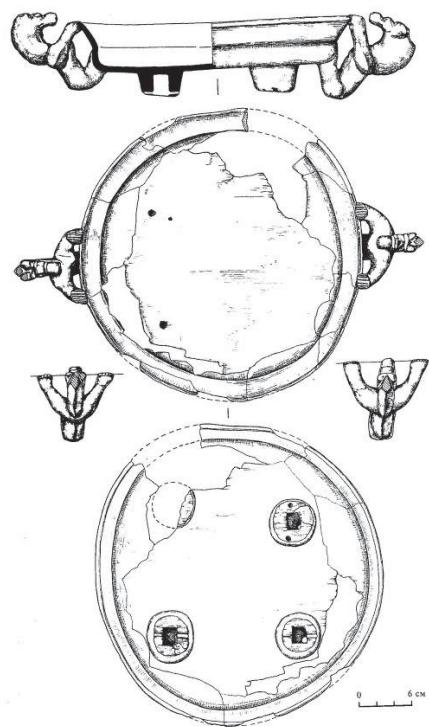

1

2

Рис. 6.

(Гаджиев, Давудов. 2010. С. 362, рис. 1)

Рис. 7.

1

2

Рис. 8.

1

2

Рис. 9.

1

2

Рис. 10.

1

2

Рис. 11.

1

2

Рис. 12.

1

2

Рис. 13.

1

2

3

Рис. 14.

1

2

Рис. 15.

1

2

Рис. 16.

1

2

Рис. 17.

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.-Л., 1958. Т. I.
2. *Рассторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. М., 2007. Т. 3.
3. *Туаллагов А. А.* О некоторых археолого-этнографических параллелях // ALANICA. Сборник избранных статей доктора исторических наук А. А. Туаллагова. К 50-летию со дня рождения. Владикавказ, 2017. С. 39-122.
4. *Албегова З. Х.-М., Малашев В. Ю.* Погребение аланской культуры III в. н. э. с керамическим столиком // Российская археология. 2018. № 3. С. 23-35.
5. *Рахно К. Ю.* Стол в традиционной культуре питания волжских булгар и его параллели // Традиционная культура народов Поволжья: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (13-15 февраля 2018 г.). Казань, 2018. С. 313-323.
6. *Пчелина Е. Г.* Отчеты по Архонской археологической экспедиции 1928 года, 1938 года, 1963 года. 1963 // Научный архив СОИГСИ. Отд. Истории. Ф. 6. Оп. 1. Д. 263.
7. *Березин Я. Б., Рунич А. П.* Раннесредневековый могильник Кольцо-гора на окраине г. Кисловодска (по материалам раскопок 1950-1980 гг.) // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Владикавказ, 2019 С. 129-172.
8. *Рунич А. П.* Катакомбы Рим-горы // Советская археология. 1970. № 2. С. 198-210.
9. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
10. *Рунич А. П.* Скальные захоронения в окрестностях г. Кисловодска // Советская археология. 1971. № 2. С. 167-178.
11. *Албегова (Царикаева) З. Х., Успенский П. С.* Фибулы Даргавского ранне-средневекового катакомбного могильника аланской культуры (по материалам раскопок Р.Г. Дзаттиаты 1993-2009 гг.) // Скифо-аланское наследие Кавказа. Владикавказ, 2017. С. 87-114.
12. *Гаджиев М. С., Давудов Ш. О.* Резной деревянный столик первых веков н. э. из окрестностей Карабудахкента // Исследования первобытной археологии Евразии. М., 2010. С. 352-364.
13. *Кузнецов В. А.* Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
14. *Уарзиати В. С.* Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2017. Т. I.
15. *Пчелина Е. Г.* Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии // Ученые записки Института Этнических и Национальных Культур Народов Востока. М., 1930. Т. 2. С. 3-52.
16. *Дзаттиаты Р. Г.* Аланские древности Даргавса. Владикавказ, 2014.

Tuallagov Alan A. — V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); soigsi@mail.ru

ALANIAN AND OSSETIAN TRIPOD TABLES.

Keywords: wooden tables, archaeological and ethnographic data, Alans, Ossetians.

The article compares the constructive features of wooden tables from funerary monuments of the Alanian culture of the early Middle Ages and traditional Ossetian culture. An idea of the genetic connection of the Alanian and Ossetian tables, as well as a definition of the semantics of the Ossetian ones proposed by some researchers was stated without such analysis, which did not provide the intended solutions with an objective scientific basis. The current situation determines the scientific relevance of the topic. The scientific novelty of the research consists in the consideration of original archaeological and ethnographic materials, most of which are used for the first time, in the course of a comparative analysis of their general and particular constructive features. Such analysis is carried out for the first time. The main objective of the study is the scientific verification of the idea of considering Ossetian tables as derivatives of Alanian tables. In the course of the comparative analysis, descriptive, typological and comparative research methods were used with the photo and graphic fixation of the studied objects. In the course of the study, two types of wooden tripod tables of the Alanian culture were identified, some design features of which may indicate the presence of corresponding subtypes. Their concretization will require further study. Alanian tables also give reason to believe that in addition to home production, tables served as objects of handicraft production. Ossetian tables are undoubtedly genetically related to these samples and their types. They preserve and develop certain, both general and, most significantly, specific private, constructive and ornamental features of Alanian tables. The probable development of some structural details during the turning of manufactured samples is also observed.

REFERENCES

1. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow — Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1958, vol. I. 655 p.
2. Rastorgueva, V. S., Edelman, D.I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [Etymological dictionary of Iranian languages]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2007, vol. 3. 493 p.
3. Tuallagov, A.A. *O nekotorykh arkheologo-etnograficheskikh parallelyakh* [On some archaeological and ethnographic parallels]. *ALANICA. Sbornik izbrannykh statei doktora istoricheskikh nauk A. A. Tuallagova. K 50-letiyu so dnya rozhdeniya* [ALANICA. Collection of selected articles of the doctor of historical sciences A. A. Tullagov. To the 50th anniversary]. Vladikavkaz, 2017, pp. 39-122.
4. Albegova, Z. Kh.-M., Malashev, V. Yu. *Pogrebenie alanskoi kul'tury III v. n. e. s keramicheskim stolikom* [Burial of the Alan culture of the III century AD with a ceramic table]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian archaeology]. 2018, no. 3, pp. 23-35.
5. Rakhno, K. Yu. *Stol v traditsionnoi kul'ture pitaniya volzhskikh bulgar i ego paralleli* [Table in the traditional food culture of the Volga Bulgars and its Parallels]. *Traditsionnaya kul'tura narodov Povolzh'ya: materialy IV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (13-15 fevralya 2018 g.)* [Traditional culture of the Volga peoples: Proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation (February 13-15, 2018)]. Kazan, 2018, pp. 313-323.
6. Pchelina, E. G. *Otchety po Arkhonskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 1928 goda, 1938 goda, 1963 goda. 1963* [Reports on the Arkhon archaeological expedition of 1928, 1938, and 1963. 1963]. *Nauchnyi arkhiv SOIGSI* [The Scientific archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. Fund 6. Inventory 1. Case 263. 157 p.

7. Berezin, Ya. B., Runich, A. P. *Rannesrednevekovyi mogil'nik Kol'tso-gora na okraine g. Kislovodska (po materialam raskopok 1950-1980 gg.)* [Early medieval cemetery Ring-Mountain on the outskirts of the Kislovodsk city (based on 1950-1980 years excavations)]. *Arkheologicheskoe nasledie: materialy i interpretatsii* [Archaeological Heritage: materials and interpretations]. Vladikavkaz, 2019, pp. 129-172.

8. Runich, A. P. *Katakomby Rim-gory* [Catacombs of the Rim-Mountains]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1970, no. 2, pp. 198-210.

9. Kuznetsov, V. A. *Ocherki istorii alan* [Essays on the history of the Alans]. Ordzhonikidze, Ir, 1992. 392 p.

10. Runich, A. P. *Skal'nye zakhoroneniya v okrestnostyakh g. Kislovodska* [Rock burials in the vicinity of the Kislovodsk city]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. 1971, no. 2, pp. 167-178.

11. Albegova, (Tsarikaeva) Z. Kh., Uspensky, P. S. *Fibuly Dargavsskogo rannesrednevekovogo katakombnogo mogil'nika alanskoj kul'tury (po materialam raskopok R. G. Dzattiaty 1993-2009 gg.)* [Fibulas from the Dargavs early medieval Alanian culture catacomb cemetery (based on the excavations of R. G. Dzattiaty 1993-2009 years)]. *Skifo-alanskoe nasledie Kavkaza* [Scythian-Alanian heritage of the Caucasus]. Vladikavkaz, 2017, pp. 87-114.

12. Gadzhiev, M. S., Davudov, Sh. O. *Reznoi derevyannyi stolik pervykh vekov n. e. iz okrestnostei Karabudakhkenta* [Carved wooden table of the first centuries AD from the environs of Karabudakhkent]. *Issledovaniya pervobytnoi arkheologii Evrazii* [Studies of the primitive archeology of Eurasia]. Moscow, 2010, pp. 352-364.

13. Kuznetsov, V. A. *Alano-osetinskie etyudy* [Alano-Ossetian etudes]. Vladikavkaz, Kavkazskaya zdrav'nitsa, 1993. 183 p.

14. Uarziati, V. S. *Izbrannye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika* [Selected works: Ethnology. Culturology. Semiotics]. Vladikavkaz, Abet, 2017, vol. I. 552 p.

15. Pchelina, E. G. *Dom i usad'ba nagornoj polosy Yugo-Osetii* [House and estate of the mountainous strip of South Ossetia]. *Uchenye zapiski Instituta Etnicheskikh i Natsional'nykh Kul'tur Narodov Vostoka* [Academic notes of the Institute of Ethnic and National Cultures of the Peoples of the East]. Moscow, 1930, vol. 2, pp. 3-52.

16. Dzattiaty, R. G. *Alanskie drevnosti Dargavsja* [Alanian antiquity of Dargavs]. Vladikavkaz, Ir, 2014. 239 p.